

Джон Стейнбек

Благостный четверг

Элизабет с любовью посвящаю

Пролог

Как-то вечером вытянулся Мак вольготно на своей постели в Королевской ночлежке и говорит:

– Прочитал я «Консервный Ряд» Стейнбека: слабовато. Я бы все это описал другим манером, – тут Мак перевернулся на живот, подпер рукою голову. – Оно понятно, критиковать легко... Но кой-чего я б ему все же присоветовал...

– Ну, и чего? – спросил Уайти I.

– Да мало ли чего... Вот хотя бы взять. Он как пишет: глава первая, глава вторая, глава третья... Номера – ладно, ничего не имею против. Но хорошо бы к ним по паре слов – про что глава. Мало ли, вдруг захочется перечитать какое-то место. Разве его по номеру отыщешь? А тут посмотрел в заголовок: ага, тебя-то мне и надо...

– А ведь верно...

– И еще, мне такие книжки нравятся, где много говорят. Сочинитель пускай лучше помалкивает. У кого какая внешность, я люблю сам угадывать. Как ты говоришь, таков ты, значит, и есть. Да что там внешность, я все ихние мысли по разговору угадаю. Хотя, – прибавил он, – без описаний тоже не обойтись. Должен я знать, что какого цвета, чем пахнет, на что похоже? Да как оно кому нравится?.. Но все же лучше, когда этого поменьше...

– Ишь ты! Критикует – как пиво дует, – подал голос Уайти II. – Талант! А еще можешь?

– Чего ж не мочь... слушайте. Всякий писатель любит показывать свое искусство. И правда, посмотришь – ловок, красиво закрутил... Слова-то какие – поют. А я так сужу: пиши свои выкрутасы, коли охота, да только с делом не путай. Ты собери их грудой в начале книжки... А там уж как я пожелаю: захочу – вообще их читать не буду, а захочу – прочитаю потом, когда ясно, чем все кончится...

– Так и стал бы его учить? – не поверил Эдди.

– Спрашиваешь, – сказал Уайти II. – Наш Мак такой учитель, берегись. Дай ему волю, он привидений учить будет, как лучше страх нагонять. А то какого-то писателя...

– А что, я могу! Кончайте, скажу, ребята, кандальный звон да спиритизм... Все у вас по старинке... Я много чего могу... – Снова перевернулся на спину, уставился в потолок над кроватью. Несколько времени молчал, потом сказал раздумчиво:

– Да... Так они и пошли бы у меня друг за дружкой...

– Кто, привидения? – спросил Эдди.

– Сам ты привидение... Главы...

1. Так они и жили...

2. Трудная жизнь Джозефа-Марии

3. Выкрутасы (1)

4. Иначе б не было игры

5. Появляется Сюзи

6. Муки творчества

7. Не верь началу, а верь концу

8. Великая крокетная война

9. Дураком родился... президентом помрешь

10. В стене, нас окружающей, есть лаз, нас вопрошающий

11. Тяжкие думы Елена

12. Цветок на почве каменистой

13. Параллельные прямые пересекаются
14. Незадачливая среда
15. Тяжко в ученье
16. Цветочки св. Мака Монтерейского
17. Окрутила!
18. В час досуга
19. Благостный четверг (1)
20. Благостный четверг (2)
21. Ай да четверг!
22. Во всеоружии
23. Ночь любви
24. Томительная пятница
25. Брехуня
26. Буря приближается
27. О славнохлопотный денек!
28. Новый Кубла Хан, или Видения во сне
29. О, горе нам!..
30. На свет появляется президент
31. Тернистой тропой величия
32. Поход за истиной
33. Судьба стучится в дверь

- 34. Хорошая сидячая ванна
- 35. В высшей степени комильфа
- 36. Лама савахфани?
- 37. Главка с булавку
- 38. Выкрутасы (2), или Празднество бабочек
- 39. И снова у нас в гостях Благостный четверг
- 40. Пусть будет в нашей жизни лишь весна!

1. Так они и жили...

Для Монтерея и Консервного Ряда война не прошла бесследно; воевать по-настоящему мало кому довелось, но дел всем хватило. И ран оказалось немало...

Особенно отличились консервные промыслы. По случаю войны отменили ограничения на лов. Из патриотических чувств сардин выбрали подчистую, а теперь их не воротишь никаким патриотизмом. Помните, у Л. Кэрролла в «Алисе» устриц «всех съели до одной»? Сардинам повезло не больше. Старая история! В благородном порыве свели западные леса; а теперь вот сосем из калифорнийской земли воду, да так споро, что никакой ливень дела не поправит. Окажемся среди пустыни – наплачемся... Консервному Ряду уже сейчас не до смеха: сардин выловили, законсервировали и всех до одной съели. Как вымер консервный завод. Лишь похаживает между цехов одинокий сторож, да ветер гремит по серебристо-жемчужным рифленым кровлям... На улице не фырчат грузовики. Кругом тихо и пусто...

Беспокойное это было время – война... Дока призвали. На кого оставить Западную биологическую лабораторию? Упросил приглядеть за ней старого своего приятеля Брехуню... Служил Док техником-сержантом в подразделении по профилактике венерических болезней. К службе относился по-философски. Имея вволю казенного спирта, весело коротал свободное время. Подружился со всей частью, от следующего чина отбрыкивался. Война кончилась, тут бы и домой; но в награду за верную службу правительство оставило Дока в армии, доверило навести порядок в бумагах: ему, как главному виновнику беспорядка, работа была как раз по плечу. Через два года после победы Док вышел с почестями в отставку...

И вот он на крыльце своего дома. Дверь от сырости разбухла, насилу открыл. Похоже, Брехуня в лаборатории давненько не был... Всюду пыль, плесень. В раковине гора грязных кастрюль и сковородок. Инструменты – ржавые, клетки – пустые. Док опустил на старенький стул, на душе кошки заскребли. Выругал Брехуню – негромко, но с чувством. Потом поднялся, вышел на безмолвную улицу, ноги сами понесли его в лавку Ли

Чонга за пивом. За прилавком стоял хорошо одетый молодой человек, по обличью мексиканец. Тут только Док вспомнил, что Ли Чонга больше нет.

– Пива, – сказал Док. – Две кварты.

– Сейчас сделаем, – сказал Патрон.

– Мак сюда заглядывает?

– А как же.

– Передайте ему, что я его жду.

– Я – это кто?

– Скажите ему, Док вернулся.

– Ладно, Док, – сказал Патрон. – Такое пиво устроит?

– Лишь бы пенилось...

Док с Маком допоздна засиделись в лаборатории. Пиво уже не казалось забористым, и на столе появилась бутылка виски «Старый Тенесси» («Старая тенисовка», как говорят в Монтерее), а Мак все отчитывался, как жили-поживали без Дока...

Кругом перемены. Одних не стало, других будто подменили – неизвестно, что хуже. С грустью называл Мак имена – и живых, и мертвых. Погиб на войне Гай: паялся в небо во время лондонской бомбежки, ну и накрыло осколком зенитки. Жена горевала недолго, получила страховку – и снова замуж. А в Королевской ночлежке чтут память Гая: постель его сохраняют в неприкосновенности, никому не позволяют даже присесть на нее.

А что было с Уайти! Поступил на военный завод в Окленде и на другой день сломал ногу. Целых три месяца в госпитале пролежал, жил как король.

Пухлые подушки, белоснежное белье... От нечего делать выучился играть на губной гармошке. Теперь можно всю жизнь играть да радоваться.

Да! У него теперь есть тезка – Уайти II. Вот уж парень так парень. Пошел в морскую пехоту, в Первую дивизию, и – за границу с пополнением. Воевал. Говорят даже (не он, люди говорят), будто наградили его Бронзовой звездой. Никто ее не видел, скорее всего потерял; а там кто знает... Боевой! До сих пор бесится, что командир отобрал у него банку заспиртованных в бренди ушей. Уайти мечтал поставить трофей дома на полочку над кроватью: пусть все видят, как служил родине.

Эдди все эти годы работал у Могучей Иды, в кафе «Ла Ида». Врач призывной комиссии глянул в его медицинскую карту, а там такие болезни, что Эдди, почитай, уже лет десять должен червей кормить. Как всех годных в армию позабирали, Ида его в бармены определила. Вот он обрадовался! Стал потихоньку отливать вино и виски в маленькие бочонки. Наполнит бочонок, заткнет хорошенько и зароет в укромном месте. Так что теперь Королевская ночлежка – единственная в округе Монтерей, у которой собственные винные погреба.

Где-то на середине первой бутылки «Старой тенисовки» Мак поведал Доку о кончине Доры Флад. Умерла Дора во сне; «Медвежий стяг» осиротел. Девочки затосковали. Закрылись, повесили табличку «Учет». Три дня пили горькую одни, без мужчин. Сквозь стены было слышно, как отпевали Дору на три голоса, песни все такие хорошие: «Христос-спаситель», «Покоится прах глубоко под землей», «Лазарет Сейнт-Джеймс» [1]. А уж рыдали-то, рыдали – жалобнее койотов...

«Медвежий стяг» перешел к ближайшей родственнице Доры – ее старшей сестре. Она из Сан-Франциско. Заведовала ночной благотворительной миссией на Гауэрд-стрит (между прочим, дело прибыльное!). Она с самого начала была совладелицей «Медвежьего стяга» – только никто не знал. И все чудные правила и порядки шли, оказывается, от нее. Вот, например: Дора хотела назвать заведение «Одинокая звезда», в память о своих молодых днях в Форт-Уэрте, а сестра настояла: пусть будет «Медвежий стяг» – в честь штата Калифорния [2]. Вот он и решил прибрать их к рукам: золотая жила! Расчет у него был верный. Сам посуди, во-первых... – Мак приготовился загигать пальцы, а потому как следует хлебнул из стаканчика, – во-первых, сам он хорошо знает их язык, ведь у него

родители мексиканцы. Во-вторых, «мокрые спины» бедствуют, за гроши согласны надрываться. В-третьих, они по-нашему не говорят, порядков здешних не ведают, фараона от мусорной корзинки не отличат. Значит, им позарез нужен человек вроде Джозефа-Марии: рядить их на работу, получать за них деньги. А вздумает какой брыкаться, Джозеф шепнет на ушко чиновнику: у того, мол, мексиканца нет паспорта. Его, голубчика, цап-царап – и отправят обратно в Мексику... В общем, радовался Джозеф: наконец-то стоящее дело нашел. Всего заботы: набрал бригады две-три, они трудятся, а ты отдыхай. А лавку, думаешь, зачем купил? Пристроил сзади закуток для бедолаг: живите, работайте на меня и мои товары покупайте... И нигде, между прочим, не сказано, что это дело противозаконное... Но и тут все пошло не в ту сторону...

– Что же на этот раз помешало? – спросил Док.

– Музыка. Музыка помешала...

В самом деле, Джозеф-Мария рассчитал все до тонкости, вычислил средний расход и средний доход. План был беспроеигрышный. И все же случай распорядился по-иному. На то он и случай: когда все шансы против – принесет удачу, а когда шансы за – возьмет да испортит игру...

В обширном районе, прилегавшем к мексиканской границе, бродили буквально миллионы «мокрых спин» – темных, безответных, трудолюбивых парней, готовых всю жизнь безропотно вкалывать на полях. И надо же было такому случиться, что именно среди джозефовых работяг попало два музыкальных дарования – певец-тенор и гитарист! Вскоре, к ужасу Джозефа-Марии, на глазах у него вырос целый оркестр: две гитары, контрабас, барабан, маракасы; были и певцы: тенор и два баритона. Джозеф-Мария совсем было собрался отправить артистов на долгие гастроли в Мексику, но тут как на грех к ним прибил его племянник Какахуэте со своей сладостной трубой.

Поля с морковью и цветной капустой были заброшены: теперь «мокрые спины» трудились на танцплощадках калифорнийских городков. Оркестр так и назывался – «Эспалдас мохадос», «Мокрые спины». Они выступали в облегающих костюмах наездников, в гигантских сомбреро, исполняли популярные песни: «Приди ко мне, печальное сердечко...», «Любовь моя из Сен-Луиса», «Раз заплакало белое облако...». Играли на танцах в клубе

пожарных в Спрекеле, в масонской ложе Соледада, в Лосином парке, что в Кинг-сити, в гринфилдском гараже, в муниципальном зале Сан-Ардо. И хозяин перестал им препятствовать, даже доставал им ангажемент. Дело процветало, Джозеф-Мария набирал все новых и новых «мокрых спин», теперь уже с музыкальными способностями. Вступив в шоу-бизнес, Джозеф-Мария быстро постиг его продувную сущность и обрадовался: как всегда, на верном пути!

– Так что видишь, – сказал Мак, – какая она нынче, музыка. Да что там музыка, все нынче какое-то чудное. Возьми хоть Фауну с «Медвежьим стягом». Это же стал не бордель, а бог знает что! Девчонок она учит политесу, сама гадают по звездам. Где такое видано?.. Все, все у нас переменялось!..

Док оглядел свою заплесневелую лабораторию, поежился:

– Я, наверное, тоже переменялся...

– Но-но, это ты брось! На тебя вся надежда. Если ты станешь другим, всех своих друзей подведешь. Мы тебя так ждали! Думали, вернешься – все у нас наладится, пойдет по-старому...

– Знаешь, что-то у меня на душе смутно...

– Не беда! – сказал Мак. – Попробуй, как в старые времена. Пригласи к себе красивую девушку, заведи на проигрывателе церковную музыку. А потом я к тебе в гости зайду, поклянчу пару долларов... Ну попробуй! Друзья просят!

– Я, конечно, попробую, – сказал Док, – но что-то мало я в это верю. Боюсь, я все-таки изменился...

3. Выкрутасы (1)

Оглядываясь назад, можно попытаться установить, когда именно родилась новая эпоха. И окажется, было это в самый обычный, ничем не примечательный день из долгой их вереницы...

...Все было в ту зиму и весну – и чудеса, и знамения, – но лишь спустя время открылся людям их истинный смысл. Снег сполз вниз по склонам горы Торо: с одной стороны до самого Соснового каньона, с другой – до Джеймсберга. В Кармел-Валли родился теленок о шести ногах. Над Монтереем проплыло облако в виде вензеля ОН. В подвале методистской церкви сквозь бетонный пол пророс гриб. Мистера Ролетти в возрасте девяности трех лет поразил сатириаз: старец начал приставать к школьницам, пришлось применить к нему меры физического воздействия. Весна выдалась холодная, дожди запоздали. Несметный флот сифонофор заполонил монтерейскую бухту, вода стала фиолетовой; мириады их гибли, вынесенные волнами на прибрежный песок. Касатка напала на морских львов у Тюленьих скал и вырезала полстада. Доктор Уик вынул из почки миссис Гастон камень с кулак размером, в виде головы гончей. Клуб «Львы» учредил премию в пятьдесят долларов за лучший очерк на тему «Как футбол выковывает характер». И, наконец, еще одно событие, последнее по времени, но не по значению, роза Шермана вдруг выбросила гвоздичный бутон... Разумеется, поначалу на все это не обратили внимания; и совершенно напрасно.

Монтерей за войну сильно изменился. Изменился и Консервный Ряд с его обитателями. «Жизнь новое поет, – изрек Мак, – идет к нам что-то новое. А вот что, одному богу известно...»

Док тоже начал меняться – вопреки отчаянным мольбам друзей, вопреки собственному желанию – и ничего не мог с собой поделать. Хотя что тут странного? Человеку свойственно меняться. Перемена вкрадчива, еле ощутима – словно ветерок, трогающий на рассвете оконную занавеску, словно аромат робких полевых цветов, спрятавшихся в траве... Без всякой простуды вас вдруг зазнобит; ни с того ни с сего почувствуете вы смутное

отвращение к тому, что еще вчера было мило; знайте, это признаки происходящей в вас перемены. Или еще: нападет вдруг на вас непонятный голод, который не уймешь самой сытной едой. Недаром говорят, что чрезмерный аппетит – верный знак неудовлетворенности. А кто, как не она, порождает перемены?

До войны Док жил привольно и весело, возбуждая зависть угрюмых зануд, не способных радоваться жизни. Он добывал морских животных, делал чучела и препараты для школ, колледжей и музеев. Работал в свое удовольствие: на жизнь хватало, а к богатству он не стремился. Док благоволил всему вокруг. Мир для него был полон чудес. Любовь к волшебству моря соединял он с любовью к музыке, этому замечательному созданию человеческого духа. У Дока был отличный проигрыватель: Док внимал ангельским голосам Сикстинской капеллы, предавался прихотливым мыслям под звуки изысканных месс Уильяма Бэрда. Выше всех человеческих творений он ставил «Фауста» Гете и «Искусство фуги» И.-С. Баха. Друзья его обожали и, обожая, обирали. Но Док не печалился, с наивным самодовольством вспоминал слова легендарного Бриллиантового Джима: «Вы говорите, друзья меня обирают? Вообще-то это приятно – лишь бы было по карману». Сам Док не очень-то берег свой карман, а уж ловчить и вовсе не умел – не хватало эгоизма.

Док любил женщин и желал их. О том, чтобы его любовь не оставалась безответной, всегда заботились сами женщины. Быть неизменно добрым, щедрым и веселым – вот к чему сводились его обязанности, – и, сказать по правде, они его мало тяготили. Док жил полнокровно и всем был доволен. Не зря многие ему завидовали, вздыхали с тоской: вот бы нам так, редкому человеку, особенно мужчине, удастся угодить самому себе, редкий человек любит свою работу и свое житье. Любовь Дока к себе не была самоподхалимажем: просто он любил людей, и для себя не делал исключения. Он жил в ладу с собой, а значит, и с остальным миром.

В армии он часто рвался душой домой, в лабораторию, к животным и к проигрывателю, к тихому труду. Когда он наконец вернулся, открыл разбухшую от сырости дверь и ступил через порог, сердцу стало сладко и больно. Со вздохом смотрел он на запыленные книжные полки. Долго выбирал, какую из любимых пластинок послушать в честь возвращения... Но вот отзвучала музыка, уплыло прошлое. Надо было думать о будущем. Брехуня, который был еще менее предприимчив, чем Док, за короткое

время развалил все дело и бросил лабораторию на произвол судьбы. Запасы изготовленных до войны препаратов истощились. Сроки договоров с заказчиками истекли. Банк, который держит закладную на помещение, не станет больше мириться из патриотизма с просрочкой платежа – война-то кончилась. Док сам не знал, сумеет ли поправить пошатнувшиеся дела. В старые добрые времена он не стал бы долго раздумывать, сразу бы окунулся в работу и развлечения. Но теперь в душу к нему проник «беспокой» и то и дело потихоньку хватал за сердце.

Что это такое, «беспокой»? Одеты вы тепло, а дрожите. Едите вдоволь, а голод все равно не отпускает. Вас любят здесь, а душа ваша странствует где-то там. Но больше всего мучает то, что время, проклятое, подлое Время, не бесконечно. До конца жизни уже не вечность, вы ясно различаете его вдаль, как бегун на финишной прямой различает ленточку. И внутренний голос спрашивает: «Достаточно ли я работал? Достаточно ли ел? Достаточно ли любил?» В вопросах этих извечное проклятие человека, но именно с них начинается все истинно великое. «Для чего я жил? Как прожить тот срок, что мне еще отпущен?» И напоследок, как жало, впивается злополучное: «Каков мой вклад в Великую копилку человечества? Чего я стою?» И дело тут не в тщеславии, не в амбициях. Просто похоже, что все мы, люди, – должники. Мы только родились, а долг уже висит на нас; и как потом ни бейся, его не выплатить сполна. Он растет с человеком наперегонки – долг перед человечеством. Сознание неотданного долга отравляет существование, а попробуешь отдавать – долг становится еще больше. И все же, человек, сколько ты сумел отдать – такова тебе и цена!

Раньше Док пребывал в счастливой уверенности, что долг его выплачивается исправно. Финишная ленточка не вызывала тягостных раздумий: все мы когда-нибудь умрем, главное – прожить жизнь как можно полнее. Всякий день у Дока завершался ночью, всякая мысль – выводом; всякое утро с востока, из-за гор, выкатывалось щедрое солнце – и мир начинал сиять в его лучах, радостный и свободный. Доку и в голову не приходило, что может быть по-иному. Люди совершали паломничества к нему в лабораторию – отдохнуть душой в обществе человека, который, не имея никакой цели, умеет жить так цельно. И то сказать, зачем к чему-то стремиться? Разве можно совершить что-нибудь, чего до тебя не делали тысячу раз? Разве можно изречь хоть что-нибудь, чего нет у Лао Цзы, в «Бхагавадгите», или у пророка Исайи? Гораздо важнее принимать все

сущее, восхищаться этим миром, в котором красота испокон веков живет лишь вместе с тенью своей, уродством: убери эту тень – и непонятно, что такое красота. Потому-то Док и жил на зависть многим, что сумел постичь эту мудрость!

Но теперь «беспокой» точил ему душу. Может, виною был возраст, как-никак полжизни минуло. Не так активно работают железы внутренней секреции, стареет кожа, притупляется вкус, слабеют зрение и слух. А может, все дело в непривычном запустении Консервного Ряда: стоит завод, ржавеют под открытым небом груды консервной жести?.. Как бы то ни было, Дока не покидало странное чувство поражения. Поскольку Док был материалист, он первым делом проверил зрение и сделал рентген зубов – оказалось, все в порядке. Затем сходил на обследование к доктору Горацию Дормоди: никакой скрытой инфекции, которая могла бы причинять дурное самочувствие, доктор не обнаружил... Тогда Док отчаянно набросился на работу, надеясь заглушить тревогу усталостью. Трудился без отдыха: добывал морских тварей, препарировал, заспиртовывал – вот уже все полки, как встарь, заставлены коробками и стеклянными банками... Новые поколения белых крыс осуждены грызть железные прутья клеток, четыре новые гремучие змеи зажили в сытой неволе...

Но «беспокой» не оставлял Дока. Тревога схватывала душу, сердце стучало с запинкой. Не веселило самое пьяное виски; не доставлял прежнего удовольствия и первый, огромный, ледяной глоток пива из запотевшего стакана. К середине долгого разговора Док уставал, даже друзьям разучился радоваться...

Начнет Док, бывало, переворачивать большой камень в бухте Большого прилива – под таким камнем наверняка богатая добыча, – качнет этот камень раз-другой, а потом вдруг отпустит; выпрямится и, уперши руки в бока, засмотрится в даль, где над водою громоздятся белые облака с черной и розовой каймой. И думает: о чем я думаю? чего хочу? куда стремлюсь? И видит себя словно со стороны, словно сквозь стеклянный колпак – и сам себе чуден. И слышит в себе звуки, а может, созвучия, как будто играет вдали оркестр.

Или вот как еще бывало. Засидится Док допоздна над старым разболтанным микроскопом: распинает планктон на предметном стеклышке, тихонько орудуя стеклянной палочкой. И слышит внутри себя

три одновременно поющих голоса. Верхний голос – голос разума – поет: «Вот чудесные крохотные частички, не растения, не животные, но странным образом и то и другое. Они вместилище жизни. Ими питаются другие организмы. Если б они погибли, кто знает, может, погибла бы жизнь?» Средний голос души – поет так: «Что ты ищешь, жалкий человечешко? Не самого ли себя ты потерял? Копаешься в мелочах, чтобы не думать о большом». А третий голос, нижний, поет откуда-то из самого нутра: «Одинок ты! Одинок! Разве это годится? Есть ли хоть кому от такого житья польза? Оттого и мудрствуешь, что боишься чувств. Хочешь спрятаться от одиночества – не спрячешься. Оно везде с тобой».

Тогда бросал Док начатую работу, шел проветриться к маяку; смотрел, как бьет в горизонт ослепительный луч. Здесь, у моря, мысль его, конечно, опять возвращалась к планктону: «А ведь это белковый продукт. Вот бы мне придумать, как людям употреблять его в пищу. Никто бы на свете больше не голодал». А нижний голос в это время принимался петь свое: «Одинок ты! Одинок! Пытаешься откупиться от одиночества».

Док думал, что другим нет дела до его «беспокоя». Но это было не так. Весь Консервный Ряд наблюдал за Доком и переживал за него. Больше всех волновались Мак с ребятами. Мак сказал Фауне:

– Смотрю я на Дока и думаю: может, ему женщины не хватает?

– Что ж, мое заведение – к его услугам, – сказала Фауна.

– Нет, я о другом толкую. Надо такую женщину, чтоб все время с ним жила. И пусть бы у них почаще находила коса на камень. Тут не до уныния – знай себя обороняй.

Фауна смотрела на брак благосклонно, видя в нем не только общественную пользу, но и личную для себя выгоду: лучшие ее клиенты были люди семейные.

– Ладно, давай его женим, – сказала Фауна.

– Нет, это уж слишком! – испугался Мак. – Мне его жалко...

Док прибегнул к испытанному средству от хандры; долгий неспешный путь в Ла-Джоллу-400 миль к югу должен был его исцелить. Док путешествовал,

как в лучшие времена, с ящиком пива и семнадцатилетней спутницей. Девушка увлекалась зоологией беспозвоночных, но Док не очень-то верил в искренность этого увлечения (и оказался прав).

Поездка получилась удачная: стояла тихая теплая погода, море далеко отступило во время отлива. В межприливной зоне, под валунами, оплетенными гирляндами водорослей, Дока ждала удивительная добыча: двадцать восемь детенышей осьминога с совсем еще маленькими щупальцами! Если бы удалось сохранить их живыми – вот была бы удача! Бережно он переложил их, одного за другим, в специальное деревянное ведро, заботливо укрыл водорослями. В душе росло волнение...

Спутница его, напротив, начала испытывать некоторое разочарование. Восторг Дока означал, что Док, в отличие от нее, влюблен в зоологию. А какой девушке понравится, что ее предпочли, и главное, кому – осьминогу! Обратный путь – те же 400 миль – состоял из коротких стремительных рывков. Через каждые несколько миль Док останавливал автомобиль и смачивал мешковину, которой было укрыто заветное ведро.

– Осьминоги плохо переносят жару, – объяснял он.

Он не читал девушке стихов. Не спрашивал, о чем она думает, что чувствует, не говорил комплиментов. Зато поведал ей много нового об осьминогах (как порадовал бы ее этот рассказ раньше!).

– Замечательные животные, – говорил Док. – Нежные, загадочные, застенчивые...

– Гадкие твари, – сказала девушка.

– Что ты, ничуть, – живо отозвался Док, – хотя я понимаю, почему ты так говоришь. Осьминоги во все времена и отталкивали, и завораживали человека. Глаза их кажутся жестокими и таинственными. Сколько возникло об осьминогах легенд! Ты, конечно, знаешь скандинавский миф о кракене, морском чудовище?

– Да, наизусть, – ответила девушка с иронией.

– Вообще-то, – продолжал Док взволнованно, осьминоги очень робкие животные. А как еще много в них загадочного! Вот посажу их в аквариум,

рассмотришь хорошенько. Хотя и нельзя их сравнивать с людьми, некоторые их черты определенно напоминают человеческие. На первый взгляд они существа тихие и безобидные, все время прячутся. Но однажды я своими глазами видел, как один из них совершил преднамеренное убийство своего сородича. У меня такое впечатление, что они способны испытывать страх и ярость. Если их разъярить, они меняют цвет – похоже на то, как люди багровеют от гнева...

– Очень интересно, – сказала девушка и подоткнула под себя юбку – обозначились круглые коленки.

– Иногда они так разъяряются, – продолжал тем временем Док, – что не выдерживают и умирают. Внешне это очень напоминает смерть человека от апоплексического удара. Удивительно эмоциональные создания! Я думаю написать о них монографию.

– Может, заодно выясните, отчего у человека бывает удар? – спросила девушка. Док не расслышал в ее голосе иронии, потому что воспринял все совершенно серьезно.

Нет нужды называть имя девушки. Она больше не появлялась в Западной биологической лаборатории. Ее вспыхнувший было интерес к науке задуло первым же порывом ветра, зато в Доке пламя забушевало вовсю.

Научное озарение подобно вспышке. Оно оставляет в душе сумятицу – волнение, восторг, испуг. Примеров такого озарения множество. Все знают о ньютоновом яблоке. Если говорить о Чарльзе Дарвине, то, по его собственным словам, главная идея «Происхождения видов» явилась ему в одно мгновение, а остаток жизни он употребил на то, чтобы доказать ее фактами. Теория относительности родилась в голове Эйнштейна в какую-то долю секунды... Накопление мысли завершается поразительным качественным скачком. Это величайшая загадка человеческого ума! В один миг все встает на свои места, неувязки увязываются, диссонансы превращаются в гармонию, бессмыслица дорастает до смысла... Но путь к озарению неблизок, и ученый изведает на нем горечь неудач.

Сказав «до свидания», девушка покинула лабораторию; а Док и не заметил ее ухода (как не замечал ее присутствия)...

С великим тщанием Док выскоблил большой аквариум, выстлал дно

морским песком, положил камни, обросшие губками, анемонами и гидроидами, посадил морские водоросли, запустил крабиков, угрей, прибрежных окуньков. Наносил ведрами целый бак морской воды и наладил насос – качать воду в аквариум и обратно. Док призвал на помощь все свои знания о взаимоотношениях растений и животных, о фильтрации, кислородном режиме, освещенности и температуре, о питании морских животных в условиях аквариума. В четырех стеклянных стенах он создал мир, где все служило благополучию осьминогов, а возможные недруги и опасности были устранены.

Восемь осьминогов погибли в дороге, оставшиеся двадцать скользнули на дно своего нового жилища и затаились среди камней, наливаясь гневом и трепеща. Док придвинул табуретку поближе и стал вглядываться в сотворенный им мир. Набегали мысли, зеленые и прохладные; проплывали стайками цифры. Вот оно, желанное душевное равновесие... Бесцветные глаза осьминогов спокойно взирали на Дока...

В последующие дни все заметили, что Док ведет себя как-то странно. Поэтому Мак не сразу пошел к Доку за очередными двумя долларами, а испробовал прежде Другие источники. Однако никто не раскошелился, и тогда Мак опасливо постучался в Западную биологическую.

Последовавшая за сим ария Мака была, вероятно, вершиной его вымогательского искусства. Началась она с долгого, ненавязчивого вступления, – лишь к концу его стал прощупываться лейтмотив. Исполдволь в мелодию вплетались чувствительные нотки; вот уже слышалась тема печальной необходимости. Драма нарастала. Мак умело управлял голосом, добиваясь проникновенности; голос пока что не дрожал, но уже прорывалась затаенная страсть. Слушая себя. Мак приходил в восторг: сам бы не устоял перед таким исполнением! Но почему же тогда Док не отрывает глаз от тускло освещенного аквариума? Он, правда, поздоровался, когда Мак вошел, но затем не молвил ни слова. Что делать? Сам немного пугаясь своей смелости, Мак перешел на глас ангельский, потом на глас скорбный и, наконец, вознес хвалу дающему! Вышло так чувствительно, что у самого слезы навернулись на глаза.

А Док даже головы не повернул.

Мак стоял как оплеванный. Это ужасно – выложиться до конца и не

встретишь отклика. Что теперь делать? Мак громко позвал:

– Док!

– А-а, Мак. Привет.

– Ты что, занемог?

– Да, то есть нет. Тебе что, денег? Сколько?

– Два доллара.

Даже не взглянув на Мака, Док полез в карман за бумажником. Выходит, Мак играл вхолостую! Можно было попросить прямо с порога! Мака охватил гнев, он даже подумал, не отказаться ли гордо от денег, но, как всегда, его выручил здравый смысл. Так он и стоял, мял в руке долларовые бумажки.

– Что с тобой, Док? – спросил он наконец.

Док медленно повернулся на стуле.

– Вот ведь задача, – сказал он. – Какой им нужен свет? Освещение-это всегда проблема, а здесь особенно...

– Какое освещение?

– Мы с самого начала сталкиваемся с двумя очевидными проблемами, продолжал рассуждать Док. – Во-первых, они плохо переносят жару; во-вторых, они в известной мере подвержены светобоязни. Ума не приложу, как осветить аквариум, чтобы вода не нагревалась. И смогут ли они приспособиться к постоянному свету, пропадет ли у них светобоязнь?

– Конечно, – смятенно сказал Мак.

– Э-э, не торопись, – сказал Док. – Ведь самый процесс акклиматизации, пусть он их не убил, мог все же изменить их нормальные реакции. Вообще-то реакции животных, близкие к эмоциям, квалифицировать трудно... И вот встает вопрос, могу ли я, поместив их в аномальные условия, ожидать нормальных реакций?

Мак замотал головой.

– С помощью вскрытия не проникнешь в механизм эмоций, – продолжал Док. – Если бы какие-нибудь другие разумные существа нашли тело человека и вскрыли, они бы ничего не узнали о наших чувствах и мыслях... Так вот, сдается мне, что ярость осьминогов, или состояние, напоминающее ее внешне, – это аномалия. Допустим, я наблюдаю ее в условиях аквариума. Но происходит ли нечто подобное на морском дне? Вдруг данный феномен ограничен условиями аквариума? Нет, нельзя из этого исходить, иначе вся моя теория рухнет!

– Док! – вскричал Мак. – Посмотри на меня! Это же я, Мак!

– А-а, Мак. Привет. Я забыл, сколько тебе надо?

– Да ты мне уже дал! – сказал Мак – и тут же понял, что сглупил.

– Вопрос упирается в оборудование, – сказал Док. – Мое – никуда не годится. Вот ведь чертовщина!

– Док, может, нам взять бутылочку «Старой тенисовки»?

– Пожалуй... – сказал Док.

– Да ты не волнуйся, я ставлю, – сказал Мак. – У меня как раз два беспризорных доллара.

– Чертовы деньги! Где нам с тобой раздобыть денег, Мак?

– Я ж говорю: я ставлю!

– Первым делом мне нужен современный бинокулярный микроскоп. И еще – хорошая подсветка для аквариума. Какой же им дать свет? Может, пустить направленный луч из другого угла комнаты? Может, за это время изобрели какую-нибудь новую подсветку? Придется заняться этим вплотную.

– Пойдем, Док...

Сначала Док купил одну бутылку «Старой тенисовки», потом послал Мака

еще за одной. Друзья сидели рядышком, поставив локти на тумбу, и смотрели в аквариум. Виски становилось все меньше, поэтому Мак наливал совсем помалу, разбавлял водой.

– У меня есть дядя, – сказал Мак. – У него глаза – точь-в-точь как у них. Зато денег – куры не клюют. Интересно, отчего у богачей такой взгляд – студёный, неприветливый?

– Для самозащиты! – объяснил Док. – Чтобы родственники не слопали.

– Слушай, Док, – выпалил вдруг Мак. – Мы все переживаем. Тебя совсем не узнать. Нет в тебе прежнего веселья, ходишь как потерянный.

– Наверное, у меня переориентация...

– Тебе, конечно, виднее, – сказал Мак, – только есть мнение, что тебе нужна баба для встряски. Я знаю одного парня, он с женой не живет. Как станет ему белый свет не мил, возвращается домой. А на другой день уже думает: господи, как же было без жены хорошо. И уходит из дома в хорошем настроении.

– Классический случай шокотерапии, – сказал Док. – Не волнуйся, Мак. У меня все в порядке. И не надо мне никакой жены! Ишь чего выдумали! Мужчине нужна не жена, а цель в жизни. Вот чего мне не хватает. Без цели можно всю жизнь проходить кругами и никуда не прийти!

– Вот! Таким ты мне нравишься! – сказал Мак.

– Знаешь, как я назову свою монографию? «Состояния некоторых цефалопод, сходные с апоплексией».

– ???!

4. Иначе б не было игры

Когда Джозеф-Мари узнал Дока поближе, Док ему понравился. Любовь рождается от тайны – такой тайной была честность Дока. Джозеф-Мария силился ее постичь: ведь должен в ней быть хоть какой-то умысел!

Зашел он как-то к Доку в гости и увидел шахматную доску. Поинтересовался, что такое. Игра. Научи. (По части игр Джозеф-Мария был мастак.) Он без труда усвоил, как фигуры ходят, как едят, кто главнее. Сели играть. Вскоре Док отлучился: зазвонил телефон.

– Э-э, так не годится, – сказал Док, вернувшись. – Ты сдвинул фигуры. Мою пешку, своего ферзя и еще коня...

– Почем знаешь?

– Что ж тут не знать? Шахматы, может, единственная в мире игра, где не сжульничаешь.

На лице Джозефа-Марии выразилось изумление:

– Как это?

– А вот так. Иначе б не было игры.

Слова эти Джозеф-Мария запомнил, и дома весь вечер раздумывал: может ли такое быть? Кончилось тем, что он снова пришел к Доку: объясни, пожалуйста; говоришь хорошо – а понять не могу.

– Все дело в том, – объяснял Док терпеливо, – что это игра умственная и оба игрока знают одинаково, поровну. Вот и все.

– Не понимаю...

– Ну смотри, нельзя же сжульничать в математике, в поэзии, в музыке. Они основаны на ис-ти-не! Какая ж тут может быть ложь? Какое надувательство? А шахматы – та же арифметика...

Но Джозеф-Мария только качал головой:

– Не понимаю...

Он был потрясен и заморожен. В неуязвимости доковых слов ему чудилось какое-то новое, неслыханное сверхмошенство! «А что если, – зашевелилась мысль, – взять да скрестить честность с обманом? Тогда такие дела можно делать, и никто не подкопается!.. Знать бы только, как это обстряпать...» Ум отказывался воспринимать эту дикую мысль, но она навязчиво лезла в голову. Глаза у Джозефа-Марии сузились, как у кота. «Он-то, поди, знает. Ну, Док, ну, хитрец!..»

5. Появляется Сюзи

Констебля маленького городка изображают обыкновенно таким незадачливым малым. Какую книжку ни раскрой, у него роль одна – вахлак! И людям нравится в это верить, – что с того, что в жизни бывает по-другому. На то она и вера – верить в то, чего на самом деле нет...

Констебль, если прослужил в городке не год, не два, знает всю его подноготную. Знает о тонком политическом равновесии между мэром и членами городского совета, между пожарниками и страховыми компаниями. Знает, по какому поводу миссис Гелтхем устраивает застолье и кого позовет в гости. Когда Мейбл Эндрьюс в очередной раз кричит в трубку, что к ней ломится грабитель, констебль точно знает, крыса ли это в гостиную, настоящий грабитель или мадам просто померещилось. Знает он, что у мистера Гелтхема любовь со школьной учительницей и как часто они встречаются. Знает, кто из старшеклассников перешел с джина на марихуану. Самая легкая зыбь на поверхности городской жизни не ускользнет от его внимания! Если совершено преступление, то он сразу скажет, кто в нем не замешан, а иногда с ходу назовет преступника. Неусыпный констебль отвращает от города множество неприятных происшествий. Поговорит с кем надо в темной аллее, сделает внушение по телефону; иногда довольно его тени в свете уличного фонаря... Снимая с дерева чью-то орущую кошку, констебль знает, кто ее хозяйка. А когда родители подтолкнули к нему заревавшего малыша и тот разожмет ладошку, а в ладошке вещь, стянутая у галантерейщика с прилавка, – он, если он хороший констебль, со всей строгостью простит его от лица закона.

Чужаку, сошедшему в Монтерее с дель-монтского автобуса-экспресса, невдомек, что кому-то есть дело до его приезда. Но уже следит за ним недремлющее око...

В Монтерее хороший констебль. Зовут его Джо Блейки. Никогда не дослужиться ему до полицмейстера, да он и не стремится к этому. Все в городе уважают Джо и доверяют ему. Все может Джо: если нужно, он и дерущихся супругов разнимет!.. Своим умением ладить с людьми, а также

умением постоять за себя обязан он воспитанию. Джо рос младшим в семье, где, кроме него, было еще четырнадцать славных, но драчливых мальчишек и девчонок. В Монтерее Джо знает всех, от мала до велика. Если появится в городе новый человек, Джо быстро определит, что это за личность.

С автобуса дальнего следования сошла девушка по имени Сюзи. Огляделась по сторонам, подкрасила губы и, подхватив обшарпанный чемодан, зашагала к кафе «Золотой мак». Сюзи была хорошенькая девушка с прямым носиком и большим ртом. Красивая фигура, рост средний; скорее всего шатенка (крашена под блондинку). Одета в коричневую жакетку с кроличьим воротником, платье из набивного ситца, коричневые кожаные туфли. У правой туфли протерся мысок; чуть прихрамывает на правую ногу. Перед тем как уйти с остановки, открыла коричневую сумочку из искусственной кожи: там зеркальце, гребешок без двух зубьев, пачка сигарет «Счастливые»; полпакетика мятных леденцов, восемьдесят пять центов серебром (бумажных денег нет), губная помада (пудры нет), аспирин. Ключей нет.

Именно в таком порядке всплыли бы в уме Джо Блейки приметы незнакомки, случись в эту ночь в городе убийство. А между тем он не отдавал себе отчета, что запоминает – работала интуиция. Джо вошел в «Золотой мак»: хозяйка как раз ставила на стойку чашку дымящегося кофе для Сюзи. Джо уселся на соседний стул:

– Элла, мне тоже кофейку.

– Сейчас сделаю. Как жена, Джо?

– Уже лучше. Только вот силенок после болезни маловато...

– Ну еще бы, – сказала Элла. – Какие вы, мужики, непонятливые. Ты поменьше мучай ее домашними делами... Сейчас свежего тебе заварю.

– Ага, – сказал Джо.

Элла заложила кофе в кофеварочную машину.

– О чем задумалась, сестренка?– дружелюбно спросил Джо у Сюзи.

– Ни о чем, – она не оглянулась, но видела его отражение в блестящей кофеварочной машине.

– В отпуск? – спросил Джо.

– Ага.

– К нам надолго?

– Пока не знаю.

– Может, работу ищешь?

– Может, и ищу.

Элла направлялась к ним, но, увидев, что они разговаривают, заспешила к посуде.

– А знакомые у тебя здесь есть?

– Тетка живет.

– И как же ее зовут?

– Тебе что, обязательно знать?

– Извини, работа такая.

– Ладно, нету тетки...

Джо улыбнулся; Сюзи почувствовала себя спокойнее. Вообще-то он ей понравился, приятный мужчина, о жене беспокоится.

– Значит, бродяжничаем? – спросил Джо.

– Да нет пока, – сказала Сюзи. – У меня что, в вашем городе будут неприятности?

– Ну зачем же, – сказал Джо. – Карточка социального страхования у тебя есть?

– Потеряла.

– Жалко, – сказал Джо. – Учти, городок у нас чинный, на улице не промышляют. Есть специальное заведение, называется «Медвежий стяг»... Да, если захочешь уехать, приходи, денег на билет дам. Спросишь, как найти Джо Блейки, любой скажет.

– Спасибо, Джо. А насчет этого ты неправильно подумал. Я этими делами не занимаюсь...

– Это ты пока не занимаешься. У нас, как закрыли консервные промыслы, работу днем с огнем не найдешь. Ну, будь здорова, – Джо встал, потянулся. – Элла, я пошел. Попозже зайду кофе выпью.

Элла стирала со стойки мокрой тряпкой. Наверное, у нее кончается смена, подумала Сюзи.

– Мировой парень, – сказала Элла. – Хочешь еще кофе? Свеженького?

– Мировой, – согласилась Сюзи. – Хочу...

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)